

Ж.В. Марченко✉, А.Е. Гришин

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: afrika_77@mail.ru

Ранненеолитическая стоянка Новая Курья-2 в Северной Кулунде

В ходе разведки в 2019 г. в Северной Кулунде была обнаружена неолитическая стоянка Новая Курья-2. Стоянка расположена рядом с эпонимной деревней, на левом берегу р. Старица Курья. В результате поверхностных сборов и шурфовки определены границы памятника, собрано 88 каменных предметов и 10 фрагментов керамики. Предметы образуют единый культурно-хронологический комплекс. Характер каменной индустрии – микропластинчатый. Сырье кварцитовое, качественное. Керамические изделия характеризуются значительной толщиной черепка; орнаментацией насечками или пальце-ногтевыми отпечатками; зонами, свободными от орнамента; декорированием округлого среза венчика насечками и использованием органики (волоса) в глиняном тесте. Вся коллекция в совокупности имеет аналогии в материалах ранненеолитических поселенческих памятников с плоскодонной керамикой севера Барабинской лесостепи (поселения Автодром-2/2, Автодром-1, Тартас-1, Усть-Тартас-1, Старый Московский Тракт-5) и с ранненеолитическим памятником Северо-Восточного Казахстана (Шидерты-3, слой 3). Барабинские памятники датируются исследователями финалом VIII – самым началом VI тыс. до н.э. и отнесены к боборыкинской (В.В. Бобров) или к автохтонной барабинской неолитической культурам (В.И. Молодин). Казахстанские материалы датированы В.К. Мерцем VII–VI тыс. до н.э., а каменная индустрия охарактеризована как раннекельтеминарская. Часть исследователей (В.Т. Ковалева, С.Ю. Зырянова, В.А. Зах и В.К. Мерц) связывают появление в Северной Азии подобной микропластинчатой каменной индустрии и близкой плоскодонной керамики с проникновением населения из южных или юго-западных районов. Новые данные по неолиту северной части Кулундинской степи могут указывать на сходные культурные тенденции, которые прослеживаются и на смежных территориях. Появление в регионе нового культурного компонента, возможно, связано с масштабным культурным или миграционным импульсом из юго-западных территорий в эпоху раннего неолита.

Ключевые слова: ранний неолит, Кулундинская степь, микролитическая индустрия, подъемный материал, шурфы.

Zhanna V. Marchenko✉, Artem E. Grishin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: afrika_77@mail.ru

Early Neolithic Site of Novaya Kurya-2 in the Northern Kulunda Steppe

New Neolithic site of Novaya Kurya-2 was discovered in 2019 during the survey works in the Northern Kulunda steppe. The site is located near the village of the same name on the left bank of the Staritsa Kurya River. The boundaries of the cultural layer were identified from surface finds and test pits; 88 stone artefacts and 10 pottery fragments were discovered. All material evidence belongs to the same cultural and chronological complex. The stone industry was distinguished by microblade production technique applied to high-quality quartzite as raw material. The pottery is distinguished by large thickness of the walls, ornamental decoration with notches or finger and nail traces; undecorated zones, decoration of the rounded edge of the rim by incisions, and organic matter (hair) in their clay compound. The total collection has parallels in the evidence from the Early Neolithic settlements with flat-bottomed pottery in the Northern Baraba forest-steppe (the settlements of Avtodrom-2/2, Avtodrom-1, Tartas-1, Ust-Tartas-1, and Staryi Moskovskiy Trakt-5) and with the Early Neolithic site in Northeastern Kazakhstan (Shiderty-3, cultural layer 3). The archaeological sites in Baraba are dated to the late 8th – early 6th millennium BC and are associated with the Boborykino culture (V.V. Bobrov) or with the autochthonous Baraba Neolithic culture (V.I. Molodin). V.K. Mertz attributed the Kazakhstan material evidence to the 7th–6th millennium BC and connected it with the Early Kelteminar culture. Some scholars (V.T. Kovaleva, S.Yu. Zyryanova, V.A. Zakh, and

V.K. Mertz) suggested that the emergence of similar microblade stone industry and flat-bottomed pottery in Northern Asia might have been associated with the migration from the southern or southwestern regions. New evidence on the Neolithic from the Northern Kulunda steppe may indicate similar cultural processes which happened in the neighboring regions. The emergence of a new cultural component in the region might have been associated with large-scale cultural or migratory impact from the southwestern territories.

Keywords: Early Neolithic, Kulunda steppe, microlithic blade industry, surface occurrence of artefacts, test pits.

В ходе разведки в Карасукском р-не Новосибирской обл. в 2019 г. Обь-Иртышский отряд ИАЭТ СО РАН выявил неолитическую стоянку – Новая Курья-2 (рис. 1). Слабая изученность памятников

в Северной Кулунде археологическими раскопками, а также малое количество неолитических объектов в регионе делает полученный материал актуальным. Стоянка расположена у дер. Новая Курья, на левом берегу р. Старица Курья (один из рукавов р. Карасук), на возвышенной, относительно ровной площадке восточного склона гривы (рис. 2). Сначала на грунтовой дороге, идущей вдоль берега, на участке между краем надпойменной террасы и полностью пересохшим обособленным старичным образованием, был обнаружен подъемный материал. Рельфных признаков стоянки не имеет. Для локализации культурного слоя была заложена серия шурфов и в пойменной, восточной части по обе стороны от дороги (шурфы 1–9, 12, 19), и на склоне гривы в надпойменной западной части (шурфы 10, 11, 13–20).

Культурный слой с севера и запада граничит с руинированными сооружениями (фермы, силосные ямы) второй половины XX в. По всей видимости, западная часть памятника в значительной степени разрушена при строительстве и функционировании этих сооружений. В границы памятника включено пересохшее старичное образование с-образной формы.

Стратиграфия отложений в шурфах следующая:

1) дерново-гумусный слой (мощность – 0,10–0,15 м, в месте антропогенных нарушений – до 0,05 м);

2) супесь черная однородная гумусированная (мощность – 0,1–0,2 м);

3) супесь коричнево-серая неоднородная (мощность – 0,1–

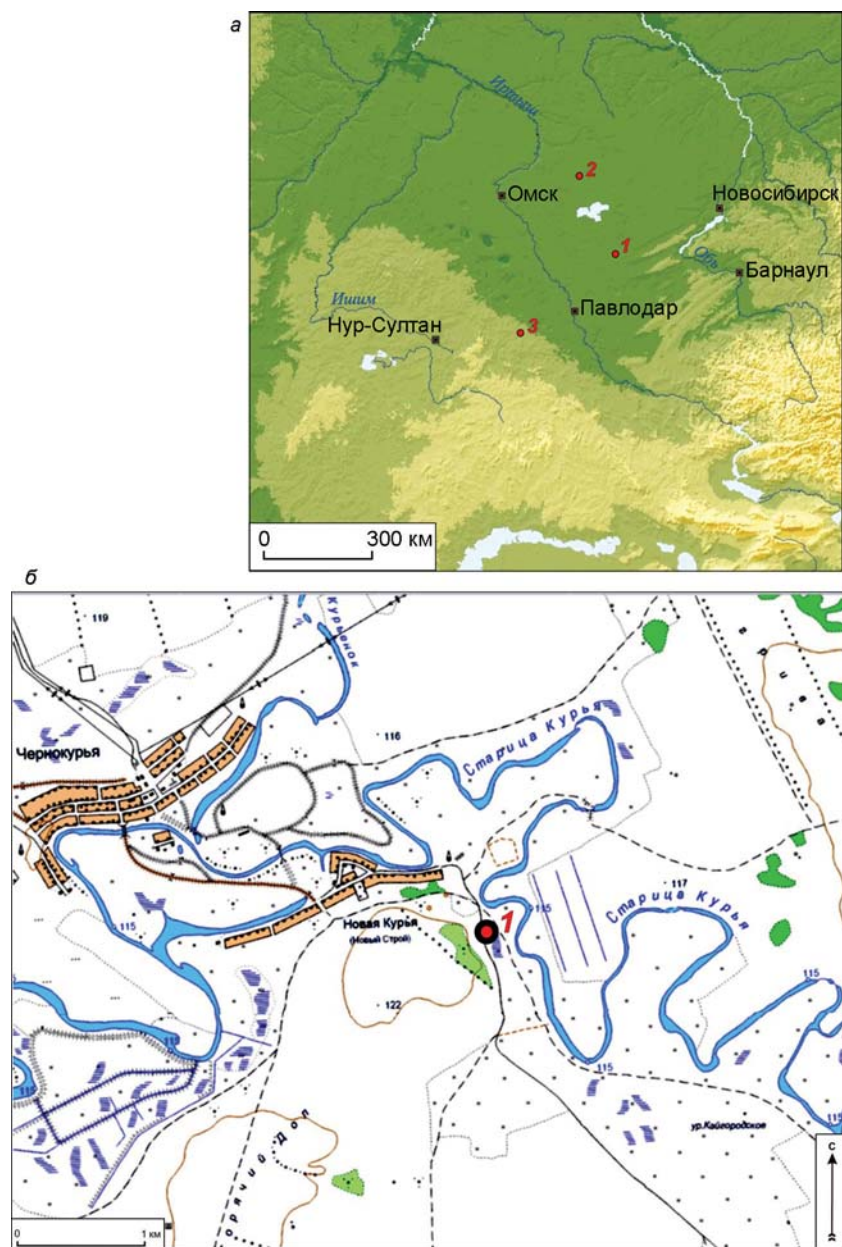

Рис. 1. Местоположение археологических памятников.

а – юг Западной Сибири и Северный Казахстан (1 – Новая Курья-2; 2 – Тартас-1, Усть-Тартас-1, Автодром-1, -2, Старый Московский Тракт-5; 3 – Шидерты-3); б – стоянка Новая Курья (красная окружность).

Рис. 2. План стоянки Новая Курья-2.

1 – граница памятника; 2 – ареал подъемного материала; 3 – шурф без находок; 4 – шурф с находками.

0,2 м), иногда с линзами белого песка (мощность – 0,01–0,05 м), в пойменной части – пятнистая суглинистая супесь (пойменные отложения). Слой сильно нарушен норами;

4) супесь коричневая, на пойменном участке – суглинистая (материк).

Культурный слой представлен только находками. В ненарушенных отложениях археологический материал тяготеет к подошве слоя 2 и границе со слоем 3. Залегание отдельных артефактов в нижних отложениях (слой 3) связано с естественными процессами (мерзлотные трещины, деятельность грызунов). Археологический материал, зафиксированный в шурфах в надпойменной части, происходит почти всегда из перемещенных отложений

(техногенные нарушения); крайне редко залегает *in situ* (шурфы 5–7, 13).

В качестве подъемки собрано 78 единиц материала: 3 фрагмента керамики и 75 каменных артефактов (табл. 1). В девяти шурфах выявлены находки общей численностью 38 ед. Из них 23 артефакта (в т.ч. 11 фрагментов керамики и обожженной глины и 12 каменных предметов) и 15 обломков костей животных (в т.ч. 12 мелких кальцинированных костей). Большинство находок в шурфах зафиксировано в надпойменной части старицы (шурфы 1, 6, 7, 13, 14, 16), в пойменной части они встречаются реже (шурфы 5, 9, 19) (рис. 2). В целом концентрация артефактов в шурфах мала. Самый насыщенный находками шурф 19 содержал лишь

Таблица 1. Состав каменной индустрии на стоянке Новая Курья-2

Категории	Подъемный материал		Шурфы		Всего предметов
	кол-во	в т.ч. орудий	кол-во	в т.ч. орудий	кол-во
Нуклеусы (конические)	1	–	–	–	1
Технические сколы	9	–	1	1	10
Пластины, ширина > 15 мм	4	1	–	–	4
Пластинки, ширина 8–15 мм	6	5	1	–	7
Микропластины, ширина < 8 мм	7	2	–	–	7
Пластинчатые отщепы	3	–	–	–	3
Отщепы	37	12	8	–	45
Обломки, осколки	8	2	–	–	8
Чешуйки	–	–	3	–	3
<i>Всего:</i>	75	22	13	1	88

Таблица 2. Орудийные формы стоянки Новая Курья-2

Группа	Кол-во, шт.
Скребки:	10
концевые на отщепах	8
концевые на технических сколах	1
боковые на отщепах	1
Вкладыши:	8
без подработки лезвия	3
с вентральной подработкой лезвия	4
с альтернативной ретушью	1
Микропластины с ретушью	1
Отщепы с ретушью	2
Осколки с ретушью	1
Фрагменты орудий	1
<i>Всего:</i>	23

16 предметов: 4 каменных, 3 фрагмента обожженной глины и 9 фрагментов костей животных (из них 7 фрагментов – очень мелкие кальцинированные). Вся коллекция представлена орудиями (скребки, пластины) и отходами каменной индустрии (чешуйки, отщепы и обломки), орнаментированными и неорнаментированными фрагментами керамики. Совместное залегание в одних стратиграфических условиях отходов каменной индустрии, фрагментов посуды и костей животных, в т.ч. кальцинированных (шурфы 5, 7), а также отсутствие признаков жилищ и малая концентрация материала позволяют определить памятник как кратковременную стоянку, а коллекцию рассматривать как единый хронологический комплекс.

На памятник как единый хронологический комплекс указывает и характеристика каменной коллекции, насчитывающей 88 экз. (табл. 1, 2; рис. 3, 1–22). Единственный нуклеус является призматическим, имеет коническую форму, был предназначен для производства микропластин (рис. 3, 1).

Технические сколы (n = 9) представлены реберчатыми и краевыми сколами, а также сколами подправки площадки нуклеуса («таблетки»). Большинство сколов являются отщепами (52 %), на которых оформлены исключительно скребки (n = 10). Доля пластинчатых сколов составляет 21 %, орудий на них изготовлено 8 ед. Пластинчатые формы – пластины (n = 4), пластинки (n = 6) и микропластины (n = 7), из них больше всего орудий выполнено на пластинках.

Основу орудийного набора (n = 23) составляют скребки (n = 10) (рис. 3, 12–22) и вкладыши (n = 8) (рис. 3, 2–8). Еще есть единичные неформальные орудия, выполненные на отщепах и микропластинах. Скребки в большинстве концевые на отщепах (n = 8), другие формы единичны. Вкладыши обычно имеют либо вентральную подработку лезвия (n = 4), либо у них подрабатывалась только спинка (n = 3), в одном случае на изделии представлена альтернативная ретушь. В целом индустрию памятника можно охарактеризовать как микропластинчатую.

По предварительному заключению канд. геол.-мин. наук Н.А. Кулик, для изготовления всех каменных орудий (в т.ч. из шурфов) было использовано сходное качественное кварцитовое сырье. Галечных корок на изделиях не встречено. Среди каменных изделий встречаются предметы из кварцитовых песчаников, кварцито-халцедоновых осадочных пород. Возможно, для добычи сырья разрабатывалось одно геологическое тело, где могли присутствовать все эти разновидности кварцитового сырья. Доставка сырья рекой в виде галек маловероятна и не подтверждается следами на артефактах. Вероятный источник происхождения каменного сырья – районы Восточного Казахстана и/или Северо-Западного Алтая.

Таким образом, общая сырьевая база каменного производства и наличие типологически схожих орудийных форм позволяют предполагать,

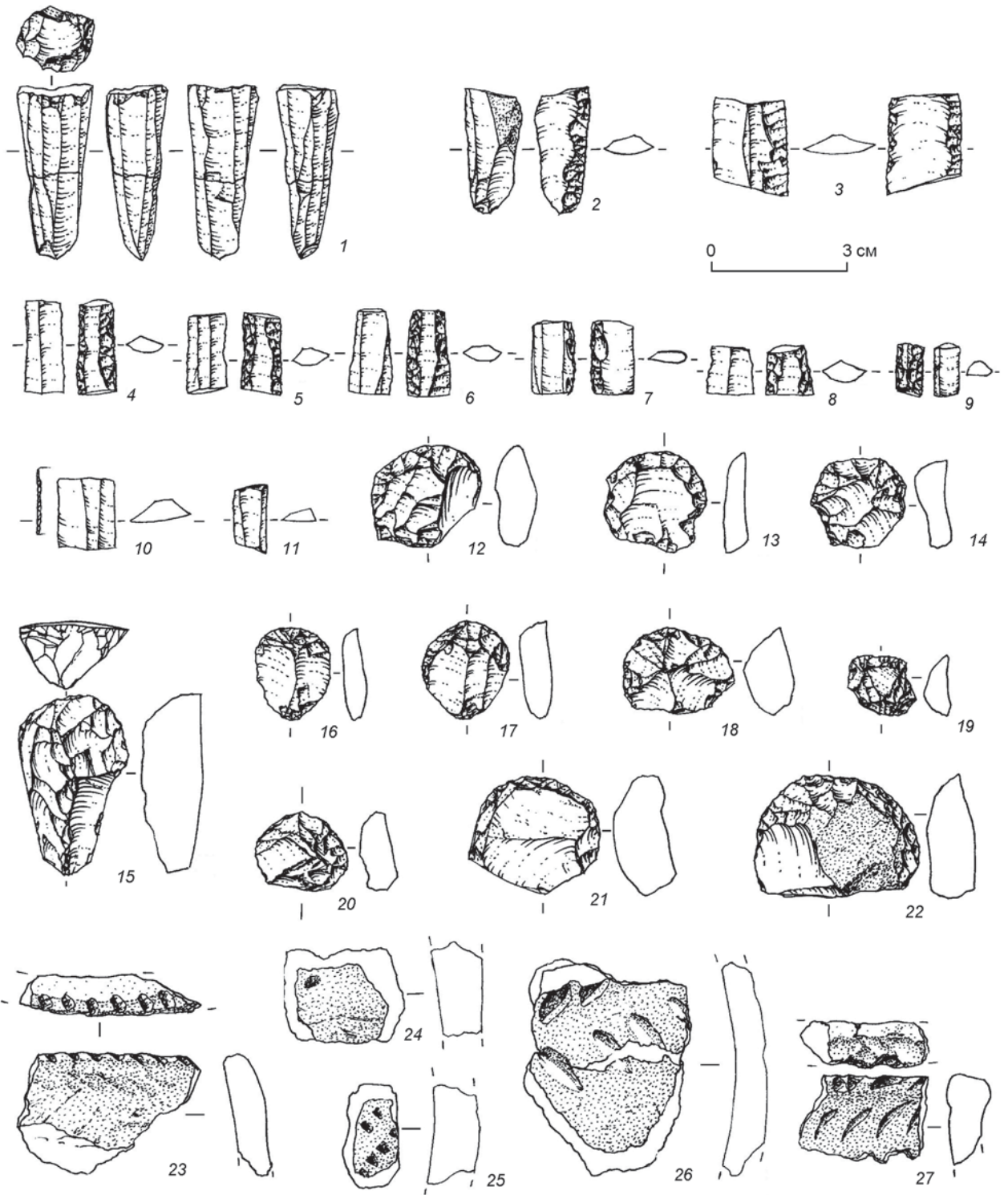

Рис. 3. Артефакты стоянки Новая Курья-2.

1 – нуклеус; 2–8 – вкладыш; 9 – фрагмент проколки (?); 10 – микропластина с ретушью; 11 – микропластина; 12–22 – скребки; 23–27 – керамика (15 – шурф 1; 23, 24 – шурф 5; 25 – шурф 7; 26 – шурф 14; остальное – подъемный материал).

1–22 – камень; 23–27 – глина.

что материал из шурфов и подъемные артефакты составляли ранее единый, ныне разрушенный культурно-хронологический комплекс и могут рассматриваться в совокупности. Учитывая, что подавляющее количество каменного материала

($n = 75$) было получено при подъемных сборах, мы понимаем, что имеющаяся коллекция может не отражать всех типологических форм (скошенные острия, симметричные и ассиметричные трапеции и пр.) и стадий изготовления. Тем не ме-

нее, основываясь на представленных материалах, предварительно можем заключить следующее. По общему облику каменной коллекции наиболее близкие аналогии видятся нам в индустрии слоя 3 стратифицированного памятника Шидерты-3 (левобережное Павлодарское Прииртышье), который В.К. Мерц относит к раннему–среднему неолиту [2004]. Объединяющими обе коллекции признаками выступают: призматические нуклеусы, пластинчатая индустрия при отсутствии широких и длинных пластин, с упором на микропластины и вкладышевую технологию изготовления орудий, доминирование концевых скребков на отщепях и полное отсутствие концевых скребков на пластинах, которые встречаются в материалах более позднего слоя 2а (эпоха среднего–позднего неолита) Шидерты-3. Кроме того, сходство индустрий двух памятников прослеживается и в выборе сырья: для индустрии слоя 3 так же был использован кварцит мелкозернистого серого или коричневого цвета, ближайšie к памятнику «выходы которого тянутся по северо-восточному краю Экибастузского мелко-сопочника» [Там же, с. 29].

Аналогии каменной индустрии прослежены и среди ранне-неолитических поселенческих материалов северной части Барабинской лесостепи, в первую очередь, с однослойным жилищем 7 памятника Тартас-1 – подпрямоугольной полуземлянкой каркасно-столбового типа [Молодин и др., 2016; Молодин и др., 2018, с. 44, рис. 4]. Для этого комплекса характерна пластинчатая индустрия с большим удельным весом вкладышей, а также значительное количество скребков на отщепях с разной степенью оформленности рабочего края, в т.ч. концевых [Молодин и др., 2016, с. 137].

Для каменной коллекции жилищ Автодрома-2/2, так же как и для кулундинских и шидертинских материалов, характерно использование разных видов кварцитовых пород [Бобров, Марочкин, Юракова, 2012а, с. 7]. Характеризуя коллекцию, авторы делают справедливую оговорку, что строгое соотнесение коллекции каменных предметов из юго-западной части памятника (Автодром-2/2) с плоскодонной (боборыкинской) керамикой из жилищ невозможно, потому что «часть орудий могла быть связана с артыньским этапом существования памятника» [Бобров, Марочкин, Юракова, 2012б, с. 21]. Однако индустрия в целом оценивается как «пластинчатая при большом значении вкладышевой техники... использование в качестве заготовки отщепов связано с изготовлением... только скребков» [Бобров, Марочкин, Юракова, 2012а, с. 7].

Керамическая коллекция стоянки Новая Курья-2 представлена тремя фрагментами посуды из подъемных сборов и семью фрагментами из шурфов (из

них три – фрагменты обожженной глины, остальное – фрагменты от четырех сосудов) (рис. 3, 23–37). Почти все находки происходят из пойменной части памятника, в одном случае (шурф 14) – из надпойменной. Керамика локализовалась в слое 2 либо на границе со слоем 3 (см. рис. 2). В шурфе 5 фрагменты от двух сосудов находились в разных стратиграфических подразделениях, однако разница в залегании между ними составляла всего 2 см, что позволяет рассматривать их как практически синхронные. Фрагменты сосуда из пограничной зоны слоев 2 и 3 в шурфе 5 представлены неорнаментированными черепками от венчика сероглиняного сосуда толщиной до 0,5–0,6 см со следами лощения на внешней поверхности (сосуд 1, рис. 3, 23). Округлый срез венчика баночного сосуда закрытой формы украшен вдавлениями. Фрагмент керамики из слоя 2 – от тулова более толстостенного сероглиняного сосуда (толщина черепка 1,1 см), без следов лощения с примесью песка и с орнаментом в виде «семечковидной» насечки (сосуд 2, рис. 3, 24). Фрагменты обоих сосудов имеют на поверхности следы от выгорания органики (волос).

Рядами горизонтальных насечек, расположенных диагонально на посуде, орнаментирован фрагмент от тулова толстостенного (толщина 1,2 см) сероглиняного сосуда из шурфа 7 (сосуд 3, рис. 3, 25). Фрагмент тулова из шурфа 14 представлен крупным черепком относительно тонкостенного красноглиняного сосуда (толщина стенки – 0,5–0,6 см) (сосуд 4, рис. 3, 26). Орнамент – нестрогоризонтальные параллельные ряды отпечатков пальца с ногтем. В подобной простейшей ногтевой технике декорирован фрагмент венчика от баночного красноглиняного сосуда из подъемного материала (сосуд 5, рис. 3, 27); он имеет дополнительный жгут по внутреннему краю венчика, за счет чего образуется небольшой наплыв. Срез орнаментирован насечками.

Аналогии керамике со стоянки Новая Курья-2, так же как и для каменной индустрии, прослеживаются в материалах ранне-неолитических поселенческих памятников с плоскодонной керамикой севера Барабинской лесостепи, которые разные коллективы исследователей соотносят либо с боборыкинской культурой (поселения Автодром-2/2, Автодром-1, Старый Московский Тракт-5) [Бобров, Марочкин, 2011; Бобров, Марочкин, Юракова, 2012а, б; 2013; 2016], либо с барабинской ранне-неолитической культурой (поселенческий комплекс памятников Тартас-1 и Усть-Тартас-1) [Молодин, Кобелева, Мильникова, 2017; Молодин и др., 2016, 2019]. Так, сосуды 1–3 сходны с ранней барабинской посудой значительной толщиной черепка; орнаментацией насечками; зонами, свободными от

орнамента; декорированием округлого среза венчика насечками и использованием органики в тесте (в таргасской посуде – травы, в кулундинской – волоса) [Бобров, Марочкин, Юракова, 2012а; Молодин и др., 2016; Молодин, Кобелева, Мыльникова, 2017]. Кроме того, эта посуда вполне соответствует немногочисленной ранненеолитической коллекции слоя 3 стоянки Шидерты-3, для которой характерны толстостенность, черный цвет черепка, отсутствие орнамента, прямой венчик, примесь в тесте песка и дресвы, неровные стенки внутренней поверхности со следами вмятин [Мерц, 2004, с. 29]. Фрагменты сосудов 4 и 5 орнаментированы в одной простейшей технике – ногтевые и пальце-ногтевые отпечатки, что, на первый взгляд, отличает их от сосудов 1–3. С другой стороны – жгуты с внутренней стороны венчика, образующие наплывы (сосуд 5), также встречаются на ранней плоскодонной посуде Барабинской лесостепи [Молодин и др., 2016; Молодин, Кобелева, Мыльникова, 2017; Бобров, Марочкин, Юракова, 2012а].

Хронология культурного слоя 3 стоянки Шидерты-3 на основе радиоуглеродного анализа почвы, содержащей артефакты, относится к середине VI – середине V тыс. до н.э. (5476–4606 кал. л. до н.э. (± 2 s)). Возраст почв (СОАН-3221, 6125 ± 195 л.н., СОАН-3222, 6080 ± 165 л.н.) пересчитан авторами данной статьи в программе OxCal4.4. с использованием калибровочной кривой IntCal20. Первоначально В.К. Мерц относил дату этих образцов к середине V тыс. до н.э. [2004, с. 29]. Однако, учитывая, что для датирования почвы «В» образцы были взяты из средней пачки отложений [Мерц, 2006а, с. 10, рис. 1], в то время как материал слоя 3 «приурочен к основанию почвы» [2006б, с. 148], можно предполагать и более раннюю дату эпизода отложения находок. В.К. Мерц соотносит время образования почвы «В» с началом атлантического климатического периода и на основании этого датирует культурный комплекс рубежом VII–VI тыс. до н.э. [2011, с. 221]. Каменную индустрию этого слоя исследователь характеризует как раннекельтеминарскую и связывает ее появление с широким расселением охотников и рыболовов из районов Средней Азии, образующих «культурно-историческую область» в границах «от Арала, Южного Урала и Алтая» [Там же].

Для поселенческих комплексов с плоскодонной посудой из северной части Барабинской лесостепи в отечественных и зарубежных лабораториях получены серии радиоуглеродных определений по костям животных, в т.ч. травоядных, что полностью исключает возможность проявления пресноводного резервуарного эффекта и связанного с ним удреждения возраста образца. Суммарная вари-

тивность результатов по материалам двух памятников (Тартас-1 и Усть-Тартас-1) определяется «VII тыс. до н.э. с заходом в VIII и VI тыс. до н.э.» [Молодин и др., 2019, с. 164]. Возраст однослойной полуземляночной конструкции 7 на памятнике Тартас-1 по данным трех ^{14}C измерений (MAMS-29402-29404) определяется в рамках 65–63 кал. вв. до н.э. [Молодин и др., 2018, с. 46, табл. 1]. Истоки сложения комплексов с плоскодонной керамикой «в таежной и лесостепной части Западно-Сибирской равнины» В.И. Молодин с соавторами рассматривают как «явление автохтонное конвергентное» [Молодин, Кобелева, Мыльникова, 2017, с. 175].

Не оспаривая мнения об автохтонности и конвергентности возникновения керамического производства на территории Барабинской лесостепи, заметим, что керамическая традиция здесь выглядит сложившейся, а технология формовки крупных сосудов с объемным туловом и с резко сужающейся придонной частью достаточно сложной для начальных этапов изготовления керамики.

В отличие от сторонников идеи об автохтонном появлении плоскодонной керамики в Западной Сибири [Молодин, Кобелева, Мыльникова, 2017; Молодин и др., 2019], часть исследователей связывают происхождение зауральской боборыкинской (=плоскодонной) посуды с прямыми миграциями носителей культур ближневосточного круга [Ковалева, Зырянова, 2010] или с выходцами из Приаралья или Северного Прикаспия [Зах, 2009]. Со среднеазиатскими неолитическими культурами так же связывает происхождение микролитовидных комплексов Северо-Восточного Казахстана В.К. Мерц [2011, 2018].

Таким образом, несмотря на фрагментарность, новые данные, полученные в ходе разведки 2019 г. на севере Кулундинской степи, оказываются сопоставимы со стратифицированными прииртышскими и однослойными барабинскими ранненеолитическими комплексами. Материалы стоянки Новая Курья-2 могут указывать на те же культурные тенденции, которые прослеживаются на смежных территориях и связаны, возможно, с масштабным культурным импульсом из юго-западных территорий в эпоху раннего неолита в Северной Азии.

Благодарности

Авторы выражают искреннюю признательность д-ру ист. наук А.А. Анойкину за консультации по анализу коллекции каменных изделий, канд. геол.-минер. наук Н.А. Кулик за предварительные определения сырьевого состава каменной индустрии и М.Е. Медовиковой за рисунки предметов.

Список литературы

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Хроностратиграфия неолитических комплексов поселения Автодром-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 14–19.

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Поселение боборыкинской культуры Автодром-2/2 (северо-западные районы Барабинской лесостепи) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2012а. – № 3 (18). – С. 4–13.

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Новые материалы боборыкинской культуры в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012б. – Т. XVIII. – С. 19–24.

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Неолитическое поселение Автодром-1 в Барабинской лесостепи: результаты раскопок в 2013 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 14–19.

Бобров В.В., Марочкин А.Н., Юракова А.Ю. Начало исследований на поселении Старый Московский Тракт-5 (Северо-Западная Бараба) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 7–11.

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. – Новосибирск: Наука, 2009. – 320 с.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. – Екатеринбург: Учеб. книга, 2010. – 308 с.

Мерц В.К. Об изучении голоценовых комплексов Северо-Восточного Казахстана // Изв. Нац. акад. наук РК. Сер. общественных наук. – 2004. – № 1 (242). – С. 23–33.

Мерц В.К. Индустрия четвертого слоя стоянки Шидерты 3 // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. – 2006а. – Вып. 2. – С. 10–23.

Мерц В.К. Основные результаты изучения памятников каменного века Северо-Восточного Казахстана // Вестн. Казах. нац. ун-та. Сер. историческая. – 2006б. – № 2 (41). – С. 147–153.

Мерц В.К. Некоторые вопросы изучения неолита Казахстана // Вопр. археологии Казахстана. – 2011. – Вып. 3. – С. 217–231.

Мерц В.К. Процессы неолитизации в Северо-Восточном Казахстане // Вестн. Ом. ун-та. Сер.: Ист. науки. – 2018. – № 3 (19). – С. 99–109.

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Мыльникова Л.Н. Ранне-неолитическая стоянка Усть-Тартас-1 и ее культурно-хронологическая интерпретация // Проблемы архео-

логии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 172–177.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Кобелева Л.С., Ненахов Д.А., Пархомчук Е.В., Райнхольд С., Петрожицкий А.В., Пархомчук В.В., Растигеев С.А. Новые данные по хронологии объектов барабинской неолитической культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 157–166.

Молодин В.И., Райнхольд С., Мыльникова Л.Н., Ненахов Д.А., Хансен С. Радиоуглеродные даты неолитического комплекса памятника Тартас-1 (ранний неолит в Барабе) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2018. – Т. 17. – № 3: Археология, этнография. – С. 39–56.

Молодин В.И., Хансен С., Ненахов Д.А., Райнхольд С., Ненахова Ю.Н., Нестерова М.С., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С., Васильев С.К. Новые данные о неолитических комплексах памятника Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 135–139.

References

Bobrov V.V., Marochkin A.G. Khronostratigrafiya neoliticheskikh kompleksov poseleniya Avtodrom-2. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2011, vol. XVII, pp. 14–19. (In Russ.).

Bobrov V.V., Marochkin A.G., Yurakova A.Yu. Poselenie boborykinskoi kul'tury Avtodrom-2/2 (severo-zapadnye raiony Barabinskoi lesostepi). In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2012a, No. 3 (18), pp. 4–13. (In Russ.).

Bobrov V.V., Marochkin A.G., Yurakova A.Yu. Novye materialy boborykinskoi kul'tury v Barabinskoi lesostepi. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012b, vol. XVIII, pp. 19–24. (In Russ.).

Bobrov V.V., Marochkin A.G., Yurakova A.Yu. Neoliticheskoe poselenie Avtodrom-1 v Barabinskoi lesostepi: rezul'taty raskopok v 2013 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2013, vol. XIX, pp. 14–19. (In Russ.).

Bobrov V.V., Marochkin A.N., Yurakova A.Yu. Beginning of the Research of Old Moscow Trakt-5 Settlement (North-Western Part of Baraba Forest-Steppe). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 7–11. (In Russ.).

Kovaleva V.T., Zyryanova S.Yu. Neolit Srednego Zaural'ya: Boborykinskaya kul'tura. Yekaterinburg: Ucheb. kniga, 2010, 308 p. (In Russ.).

Mertz V.K. Ob izuchenii golotsenovykh kompleksov Severo-Vostochnogo Kazakhstana. In *Izvestiya Natsional'noi akademii nauk RK. Seriya obshchestvennykh nauk*, 2004, No. 1 (242), pp. 23–33. (In Russ.).

Mertz V.K. Industriya chetvertogo sloya stoyanki Shiderty 3. In *Izuchenie pamyatnikov arkheologii Pavlodarskogo Priirtysh'ya*, 2006a, iss. 2, pp. 10–23. (In Russ.).

Mertz V.K. Osnovnye rezul'taty izucheniya pamyatnikov kamennogo veka Severo-Vostochnogo Kazakhstana. In *Vestnik Kazakhskogo natsional'nogo universiteta. Seriya istoricheskaya*, 2006b, No. 2 (41), pp. 147–153. (In Russ.).

Mertz V.K. Nekotorye voprosy izucheniya neolita Kazakhstana. In *Voprosy arkheologii Kazakhstana*, 2011, iss. 3, pp. 217–231. (In Russ.).

Mertz V.K. Protsessy neolitizatsii v Severo-Vostochnom Kazakhstane. In *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*, 2018, No. 3 (19), pp. 99–109. doi:10.25513/2312-1300.2018.3.99-109. (In Russ.).

Molodin V.I., Hansen S., Nenakhov D.A., Reinhold S., Nenakhova Yu.N., Nesterova M.S., Durakov I.A., Mylnikova L.N., Kobeleva L.S., Vasiliev S.K. New Information about Neolithic Complexes on the Site Tartas-1. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 135–139. (In Russ.).

Molodin V.I., Kobeleva L.S., Mylnikova L.N. Ust'-Tartas-1 Early Neolithic Site and Its Cultural and Chronological Interpretation. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 172–177. (In Russ.).

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Nesterova M.S., Kobeleva L.S., Nenakhov D.A., Parkhomchuk E.V., Reinhold S., Petrozhicky A.V., Parkhomchuk V.V., Rastigeev S.A. New Evidence on the Chronology of Sites of the Baraba Neolithic Culture. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, vol. XXV, pp. 157–166. doi:10.17746/2658-6193.2019.25.157-166. (In Russ.).

Molodin V.I., Reinhold S., Mylnikova L.N., Nenakhov D.A., Hansen S. Radiocarbon Dates of the Tartas-1 Neolithic Complex (Early Neolithic in Baraba). In *Novosibirsk State Univ. Bulletin. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, No. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 39–56. doi:10.25205/1818-7919-2018-17-3-39-56. (In Russ.).

Zakh V.A. Khronostratigrafiya neolita i rannego metalla lesnogo Tobolo-Ishim'ya. Novosibirsk: Nauka, 2009, 320 p. (In Russ.).

Марченко Ж.В. <https://orcid.org/0000-0002-4729-8575>

Гришин А.Е. <https://orcid.org/0000-0001-8367-2272>